

9. КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.12)

9.1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ МНИМОГО СОУЧАСТНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Шкабин Геннадий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент.
 Должность: доцент. Место работы: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
 Подразделение: кафедра уголовного права. E-mail: uprzn@ya.ru

Аннотация: Проводится анализ правовых основ правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Рассматривается возможность использования в таких случаях нормы о крайней необходимости. Соотносятся признаки соучастия в преступлении с поведением лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность в криминальной среде. Делаются выводы о необходимости дополнения уголовного законодательства новым обстоятельством, исключающим преступность деяния – «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия», а также об отсутствии признаков соучастия в преступлении при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: мнимый соучастник преступления, причинение вреда, уголовно-правовая оценка, оперативно-разыскное мероприятие, оперативное внедрение, оперативный эксперимент.

CRIMINAL LAW ESTIMATION OF ACTS OF THE ALLEGED ACCOMPLICE OF A CRIME DURING CONDUCT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Shkabin Gennadiy Sergeevich, PhD at law, Associate Professor. Position: Associate Professor. Place of employment: Moscow University of MIA Russia named after V.Y. Kikot. Department: Criminal Law chair. E-mail: uprzn@ya.ru

Annotation: The analysis of the legal basis for the legitimacy of causing harm during the conduct of operational investigative activities is made. The possibility of using the rule of extreme necessity in such cases is considered. The signs of complicity in a crime are compared with the behavior of a person performing operational investigative activities in a criminal environment. Conclusions are drawn about the need to supplement criminal legislation with a new circumstance that excludes the crime of the act – «Causing harm during the conduct of an operational investigative activity», as well as about the absence of signs of complicity in a crime in a course of operational investigative activities.

Keywords: alleged accomplice of a crime, causing of harm, criminal law estimation, operational investigative act, operative introduction, operative experiment.

Одним из наиболее эффективных средств противодействия организованной преступности, терроризму и экстремизму является оперативно-разыскная деятельность.

В ее структуре особое место занимают оперативный эксперимент и оперативное внедрение. Это обусловлено не только трудностями в организации данных оперативно-разыскных мероприятий, которые могут быть связаны с проникновением в преступные объединения. При их проведении нередко возникают проблемы определения уголовно-правовых границ правомерного поведения сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также лиц, с ними сотрудничающих.

Конечно, желательно, чтобы при проведении оперативно-разыскных мероприятий лицо, находясь среди членов преступной группы, выполняло бы роль, не имеющую сходства с поведением соучастников преступления, то есть было сторонним наблюдателем. Необходимо стремиться вообще не совершать каких-либо действий, причиняющих вред правоохраняемым интересам. Однако, как показывает практика, такие лица нередко оказываются в ситуации, когда обстановка вынуждает их участвовать в причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны.

С одной стороны, ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», предусматривающая допустимость вынужденного причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, по нашим данным, фактически не применяются. Характер описанных в ней действий не относится к предмету правового регулирования этого закона и вторгается в сферу действия уголовного права. На наш взгляд, если вред причиняется объектам уголовно-правовой охраны, то, совершенно логично, что и отсутствие преступности таких деяний должно определяться также Уголовным кодексом. Аналогичную позицию занимают и другие авторы¹.

Российское уголовное законодательство не предусматривает специального обстоятельства, исключающего преступность причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия². Нормой, регулирующей схожие, но в сущности иные ситуации, является ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость». Основные отличия условий ее правомерности от большинства вариантов причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий состоят в следующем.

Во-первых, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности достаточно часто опасность имеет вероятностный характер. Ее наличие и реальность точно еще не установлены. Сотрудники правоохранительных органов не всегда могут быть уверены, что проводят оперативно-разыскное мероприятие в отношении подготовляемых или совершаемых преступных деяний. Та-

¹ См. например: Милюков С.Ф., Побегайло Э.Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39-54; Пархоменко С.В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 74-81 и др.

² Нормы, предусматривающие правомерность причинения такого вреда известны уголовному праву других государств. См. например: Bronitt S. The Law in Undercover Policing: A Comparative Study of Entrapment and Covert Interviewing in Australia, Canada and Europe // Common Law World Review. January 2004 vol. P. 43. (Бронитт С. Законы о полицейских операциях под прикрытием: сравнительное исследование провокации и тайных допросов в Австралии, Канаде и Европе).

кие действия осуществляются, как правило, в условия недостатка информации для однозначных выводов. Иначе можно было бы задерживать лиц, подлежащих уголовной ответственности. На данное обстоятельство указывается и в пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». В нем говорится о возможности проведения оперативно-разыскных мероприятий, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Аналогичной позиции придерживаются и в науке оперативно-разыскной деятельности. Так, О.А. Вагин, А.П. Исиченко и Г.Х. Шабанов утверждают, что для проведения оперативно-разыскного мероприятия достаточно лишь предположения относительно подготовки совершения преступления³.

Во-вторых, при проведении оперативно-разыскных мероприятий, на наш взгляд, вполне допустимо причинение равного и незначительно большего вреда по сравнению с тем, который предотвращается. Это связано прежде всего с тем, что точно соотносить в таких случаях вред предотвращаемый и причиняемый весьма сложно, а порой и вовсе невозможно. Кроме того, сущность некоторых оперативно-разыскных мероприятий аксиоматично не может состоять в причинении меньшего вреда (например, контролируемая поставка). Так, лицо, внедренное в экстремистское сообщество в качестве ее члена, самим фактом нахождения там причиняет такой же по объему и характеру вред, как и другие участники. При этом под «фактом нахождения» в таком сообществе, то есть под участием в нем мы вслед за Пленумом Верховного Суда РФ⁴ понимаем не только совершение соответствующих преступлений, подготовку к их совершению или действия, обеспечивающие функционирование сообщества, но и само вхождение в него. Это может выражаться в даче согласия быть участником сообщества и «принятии на себя обязательств и функциональных обязанностей, возлагаемых организатором или руководителем сообщества либо сообществом в целом»⁵.

Приведем характерный пример. В. решил создать преступную группу с целью похищения состоятельных людей, чтобы требовать выкуп за их освобождение. О данном факте стало известно сотрудникам полиции. Было принято решение для пресечения предполагаемых преступлений внедрить в формируемую преступную группу П. Последний принял участие в разработке плана совершения преступления, подыскании автомобиля, на котором планировалось совершение преступления. В день похищения одного из местных предпринимателей он совместно с другими членами группы участвовал в его захвате и перемещении. В дальнейшем виновные были задержаны, а потерпевший благополучно освобожден. Благодаря полученной в результате оперативно-разыскной деятельности информации все участники посягательства, кроме внедренного лица, были привлечены к уголовной ответственности и осуждены⁶.

Описанная ситуация отчетливо показывает, что как члены преступной группы, так и внедренное лицо причинили равный вред таким ценностям, как свобода пере-

мещения и физическая неприкосновенность человека. Однако действия внедренного лица носят социально полезный характер, поскольку направлены на пресечение дальнейшего совершения преступления и привлечение виновных к уголовной ответственности.

Таким образом, ввиду отсутствия четко определенной непосредственно угрожающей опасности и возможности причинения равного или незначительно большего вреда⁷ признание крайней необходимостью причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении оперативно-разыскного мероприятия следует считать аналогией закона⁸. Предлагаемый нами вариант уголовно-правовой оценки является выходом из сложившейся ситуации отсутствия необходимой уголовно-правовой регламентации. Она могла бы состоять в дополнении уголовного законодательства новым обстоятельством, исключающим преступность деяния – «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия»⁹.

Несколько более сложный характер приобретает вопрос уголовно-правовой оценки поведения лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия, когда оно находится среди соучастников преступления. В таких случаях возможно развитие событий, когда лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия может выйти за пределы разработанного плана и преследуя свои, например, корыстные цели, совместно с другими лицами совершить преступление. Подобные действия не исключают соучастия и преступности деяния, а лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях¹⁰.

Однако нормой все же являются правомерные действия оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие. В таких случаях в теории уголовного права говорят о мнимом соучастии¹¹. Из выделяемых в уголовном праве четырех признаков соучастия (участие двух или более лиц; совместность участия; участие в умышленном преступлении; умышленный характер участия) применительно к рассматриваемым нами случаям не подлежат обсуждению только два. Так, вполне естественно, что оперативно-разыскную деятельность осуществляют лица, которые обладают признаками, позволяющими им, в принципе, быть субъектами преступления. То же самое можно сказать и о признаке участия в умышленном преступлении: проведение рассматриваемых мероприятий в отношении неосторожных преступ-

⁷ В теории уголовного права выделяют и другие признаки, позволяющие отграничить рассматриваемые ситуации от крайней необходимости. См. например: Петровский А.В. Оперативно-разыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: Сборник научных трудов. Москва-Ставрополь, 2007. С. 209-216.

⁸ См., подробнее: Кауфман М.А. Аналогия в уголовном праве России: историко-правовой анализ // Рос. правосудие. 2012, № 12. С. 79–85.

⁹ См. подробнее: Шкабин Г.С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Государство и право. 2017. № 4. С. 56–64.

¹⁰ См. подробнее: Железняков Ю.Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-разыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

¹¹ См., например: Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. № 10. С. 32-33; Бильк В.И., Петрашева Н.В. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и лиц, оказывающих им содействие // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 141-144.

³ Вагин О.А. Оперативно-разыскные мероприятия и использование их результатов: учеб.-практ. пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. М., 2006. С. 44.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

⁵ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М., 1997. С. 15.

⁶ См.: Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 15.03.2016 г. по уголовному делу 1-149/2016. URL: <https://gagarinskiy-sev.sudrf.ru/> (Дата обращения: 20.01.2017).

лений невозможно. Поэтому критериями отграничения соучастия в преступлении от правомерного деяния лица, участвующего в негласном мероприятии, могут быть либо совместность участия (отсутствие совместности), либо его умышленный характер (отсутствие умысла как признака состава преступления). В зависимости от наличия либо отсутствия одного или каждого из этих признаков можно выделить два варианта возможных ситуаций, имеющих сходство с соучастием в преступлении.

Первый вариант: когда в действиях лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия и находящегося среди членов преступной группы, организованной группы или преступного сообщества, отсутствует только признак умышленности участия в преступлении. Такое возможно в случае, когда внедренное лицо участвует совместно с другими членами преступной группы (сообщества) в совершении преступления, которое по характеру или степени общественной опасности менее общественно опасно, чем преступление, которое предотвращается. В этом случае внедренное лицо осознает, что его деяние в силу ст. 39 УК РФ не расценивается как общественно опасное¹².

В опубликованной судебно-следственной практике нам не удалось найти иллюстрации подобной ситуации. По этой причине мы ее смоделировали в описанном ниже примере.

В правоохранительные органы поступила информация о том, что некое террористическое сообщество подготавливает теракт в крупном городе. В одно из его структурных подразделений внедряется сотрудник и подтверждает информацию о готовящемся взрыве. Однако время, место и исполнители преступления неизвестны. Для дальнейшего нахождения в преступном сообществе и получении необходимой информации внедренное лицо вынужденно принять участие в совершении кражи автомобиля (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Давая уголовно-правовую оценку такому деянию, следует иметь в виду, что совершение описанных действий носит промежуточный характер в том смысле, что проведение оперативно-разыскного мероприятия продолжается до предотвращения другого, более общественно-опасного нежели хищение, преступления. В таком случае можно говорить о наличии только трех признаков соучастия. Совместность совершения деяния также будет иметь место, поскольку рассматриваемое лицо вносит свой вклад в достижение общего результата – завладение автомобилем.

В данном случае отсутствует отрицательное психическое отношение (умышленный характер) внедренного лица к действиям совместно с другими участниками деяния. Проведем его анализ более подробно. Из трех признаков умысла (два интеллектуальных и один волевой моменты) можно говорить об отсутствии первого интеллектуального момента – осознания общественной опасности совершаемого деяния. В отличие от иных участников, внедренное лицо понимает, что данный факт причинения вреда является средством в достижении другой, более социально значимой цели. Соответственно он не должен восприниматься как в целом общественно опасное деяние. Психическое отношение к причинению такого вреда состоит в осознании социальной полезности или допустимости таких действий.

О наличии других признаков умысла – второго интеллектуального и волевого, можно говорить лишь условно и относительно. Внедренное лицо предвидит наступление

последствий от своих действий, однако считать их общественно опасными безотносительно конечной цели было бы неверным.

В большей степени психическое отношение внедренного лица совпадает с волевым моментом умысла других участников деяния. Оно, также как и остальные участники, в зависимости от обстоятельств, желает наступление определенных последствий или допускает их наступление, либо относится к ним безразлично.

Следует обратить внимание на то, что в приведенном примере для определения допустимости объективно причиненного внедренным лицом вреда, охраняемым законом общественным отношениям, недостаточно только лишь положительной направленности его психического отношения. Иначе нормативное закрепление всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, не имело бы смысла. Поэтому в приведенной ситуации правомерность должна определяться ст. 39 УК РФ без какой-либо аналогии. В случае же, если внедренное лицо не уверено в успехе проводимой операции и допускает возможность наступления более опасных последствий (в нашем случае это совершение теракта), то такие действия следует рассматривать с точки зрения условий правомерности обоснованного риска (ст. 41 УК РФ).

Рассмотрим второй вариант ситуаций проведения оперативно-разыскных мероприятий, схожих с соучастием в преступлении. Они возможны, когда в действиях лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, отсутствует и признак совместности участия, и его умышленный характер.

Уголовные дела, в которых описываются такие случаи, достаточно широко известны судебно-следственной практике. В зависимости от объекта оперативного интереса¹³, такие примеры можно классифицировать на две группы: Когда оперативно-разыскные мероприятия проводятся в отношении нескольких лиц, предварительно объединившихся для совершения преступления. И обстоятельства, при которых оперативно-разыскная деятельность осуществляется в отношении одного лица, совершающего неоконченное преступление.

Примером первой из описанных ситуаций может служить следующий случай, получивший отражение в судебной практике. Шейбов, с целью совершения грабежа своего знакомого Перова (фамилия изменена) создал и возглавил организованную преступную группу, в которую вошел Алиев. О готовящемся преступлении стало известно сотрудникам уголовного розыска, которым удалось внедрить в окружение Шейбова своего сотрудника Иващенко (фамилия изменена). Шейбов и Алиев склоняли к совместному совершению преступления несколько человек, в том числе и Иващенко, который дал свое, разумееется, мнимое, согласие. Согласно разработанному плану ему отводилась роль соисполнителя преступления, состоящая в наблюдении за окружающей обстановкой, домом и местом работы Перова, а также непосредственное его ограбление.

В день совершения преступления Иващенко согласно отведенной ему роли отслеживал передвижение Перова от места работы до дома. Собранную информацию по телефонной связи он передавал Шейбову и Алиеву, которые находились в районе готовящегося ограбления. Однако довести задуманное виновными до конца не удалось по независящим от них обстоятельствам.

¹³ Объект оперативного интереса – это те лица или обстоятельства в отношении которых проводится оперативно-разыскное мероприятие. См.: Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке / Захарцев С. И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. М., 2015. С. 185.

¹² Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве М., 2006.

В дальнейшем Алиев и Шейбов были задержаны и осуждены. Их действия по описанному выше эпизоду были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ как приготовление к грабежу, совершенному с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, организованной группой, в особо крупном размере¹⁴. Благодаря действиям внедренного в преступную группу Иващенко было предотвращено нападение на Перова, собраны необходимые доказательства для привлечения виновных к уголовной ответственности за совершение данного и нескольких других преступлений.

Как видим, внедренное лицо с внешней стороны являлось соисполнителем преступления и выполняло свою часть объективной стороны совершаемого деяния. Однако признать это соучастием нельзя по следующим основаниям. Во-первых, отсутствует совместность действий внедренного лица и других участников. Этот признак предполагает достижение единого результата. Но лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, не стремится к такому завершению. Оно, напротив, предпринимает усилия, направленные на то, чтобы искомый другими участниками преступный результат не наступил. Поэтому с целью предотвращения или пресечения совершения преступления своевременно информирует правоохранительные органы о предстоящих действиях участников группы. Поэтому его действия в группе являются лишь внешними усилиями, которые признать равным вкладом в достижение результата нельзя.

Вторым основанием, исключающим соучастие в преступлении, является отсутствие умышленного характера участия лица в совершаемом деянии. Внедренное лицо осознает общественно полезный, а не опасный характер своего поведения. Предвидит оно то, что социально опасные последствия от совершаемого деяния не наступят, и их наступления не желает.

Несмотря на отсутствие соучастия в преступлении, лицо, осуществляющее оперативно-разыскную деятельность, все же причиняет вред общественным отношениям. Оно совершает действия, входящие в объективную сторону приготовления к преступлению (в некоторых случаях покушения или оконченного преступления). Правомерность причиняемого здесь вреда следует рассматривать, исходя из аналогии закона, по правилам о крайней необходимости.

Типичными примерами второго варианта рассматриваемых ситуаций, являются уголовные дела о так называемых «заказных» убийствах. Достаточно часто при предупреждении этих преступлений проводятся оперативно-разыскные мероприятия (как правило это, оперативный эксперимент, оперативное внедрение или их совокупность) в отношении лиц, подыскивающих исполнителей убийства по найму. При этом нередко возникают вопросы соотношения действий лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность с институтом соучастия в преступлении.

Приведем характерный пример. Яушев, являясь одним из основных учредителей общества с ограниченной ответственностью и его исполнительным директором, с целью единоличного осуществления данным предприятием решил подыскать исполнителей убийства второго основного учредителя З. С этой целью он обратился к Н. с просьбой приискать лиц, которые могут за

вознаградить отравить З. ядом. О подготавливаемом преступлении Н. сообщил в правоохранительные органы, а затем принял участие в проведении в отношении Яушева оперативного эксперимента. В ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия Н. сообщил Яушеву о том, что он подыскал исполнителей преступления. После чего, последний, с целью передачи информации предполагаемым исполнителям убийства, рассказал Н. о вкусах, весе и болезнях потерпевшего, передал ему 10 тыс. долларов США и две фотографии будущей жертвы.

Сотрудниками правоохранительных органов в рамках оперативного эксперимента, было инсценировано отравление З., изготовлено свидетельство о смерти последнего. В дальнейшем Н. с целью подтверждения смерти З. передал Яушеву флеш-карту с видеозаписью инсценировки отравления, а также копию свидетельства о смерти потерпевшего. В свою очередь, Яушев пообещал отдать оставшуюся сумму денег за убийство, после чего был задержан.

Судом действия Яушева были квалифицированы по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 105 УК РФ как организация приготовления к убийству по найму¹⁵.

В данном и других подобных случаях, лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, давая мнимое согласие на уговоры или предложение совершить убийство, вступает в сговор с «заказчиком» убийства. Однако как и в предыдущем примере отсутствие признаков совместности и умышленного характера участия не позволяют говорить о наличии соучастия в преступлении. В отличие от ранее рассмотренных ситуаций отсутствие объективно-субъективных связей между «заказчиком» и мнимым исполнителем имеет значение для квалификации совершенного преступления. Подобные примеры уже получили освещение в юридической печати¹⁶. В целом мы поддерживаем позицию тех авторов, которые говорят о необходимости квалификации подобных описанным выше действий по ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как приготовления к убийству по найму. Это подтверждается и ч. 5 ст. 34 УК РФ о том, что лицо, которому не удалось склонить других лиц к совершению преступления, подлежит уголовной ответственности за приготовление к преступлению. Правомерность вреда объектам уголовно-правовой охраны, причиненного в результате проведения оперативно-разыскного мероприятия, также должна оцениваться по аналогии закона, по правилам о крайней необходимости.

Следует обратить внимание на то, что при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в целях предупреждения убийств по найму достаточно часто совершается так называемая имитация преступления. Д. В. Доманов предлагает ее считать одновременно и обстоятельством, исключающим преступность деяния, и основанием для освобождения от уголовной ответственности¹⁷. Нам представляется, что такое «смешивание» указанных обстоятельств противоречит положениям уголовного права.

Имитация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния, встречается в уголовном законодательстве Литвы. Статья 32 Уголовного кодекса

¹⁵ См. : Приговор Верховного Суда Республики Татарстан по уголовному делу № 2-77/2011 от 1.12.2011 г. URL: <http://vs.tat.sudrf.ru/> (Дата обращения: 11.01.2017 г.).

¹⁶ См., например: Мелешко Д.А. Неудавшееся «соучастие» в убийствах по найму // Законность. 2015. № 11. С. 55-59.

¹⁷ См. : Доманов Д.В. Имитация преступного поведения: проблемы и их решение // Преемственность и новации в юридической науке : материалы научной конференции адъюнктов и соискателей. Вып. 6. Омск, 2010. С. 166-169.

¹⁴ См. : Приговор Орловского областного суда от 20.03.2013 г. по уголовному делу № 2-1/2013 (2-22/2012). URL: <http://obsud.orl.sudrf.ru> (Дата обращения: 06.09.2016 г.).

Литвы¹⁸, принятом в 2000 г., называется «Исполнение задания правоохранительной инстанции». В ней предусматривается исключение уголовной ответственности лица, действовавшего при выполнении задания по имитации преступления. Исходя из логического толкования нормы, под имитацией преступления следует понимать участие лица в деятельности преступного объединения или организованной группы и в ее преступном деянии, выполняя при этом законное задание правоохранительной инстанции, если при этом не было допущено превышения допустимых пределов.

Однако использовать приведенный законодательный опыт в отечественном уголовном законодательстве было бы неправильно. Так, если исходить из смысла слова «имитировать» в русском языке, то оно означает воспроизводить с возможной точностью, подражать кому-нибудь или чему-нибудь¹⁹. Имитировать преступное деяние – значит совершать действия, схожие с ним, но преступными, в сущности, не являющимися. Имитация преступления необходима для того, чтобы у причастных лиц сформировалось ошибочное мнение об истинности совершаемых действий. Иными словами, это подделка, обман, фикция, введение в заблуждение, необходимые для сокрытия подлинных мотивов поведения. По своему характеру такое поведение является всего лишь инсценировкой, театральной постановкой, с внешней стороны напоминающей преступление.

Подтверждая свою позицию практикой применения уголовного закона, отметим, что в 93 % изученных нами приговоров по уголовным делам о «заказных» убийствах (неоконченных), по которым проводились оперативно-разыскные мероприятия, указывалось на имитацию или инсценировку убийства²⁰. Для подтверждения факта совершения преступления заказчику предоставлялись фотографии или видеосъемка деяния. Имитация, подделка состояла в том, что потерпевшего гримировали под труп со следами насильственной смерти. Считаем, что подобного рода фикция не нуждается в уголовно-правовой оценке, поскольку никакой вред объектам уголовно-правовой охраны в таких случаях не причиняется.

Подводя итог проведенному анализу, обратим внимание на несколько сделанных выводов. Во-первых, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности нередко возникают ситуации имеющие внешнее сходство с соучастием в преступлении. Однако данное сходство только внешнее, поскольку в зависимости от обстоятельств отсутствуют признаки совместности участия в преступлении и умышленный характер такого участия.

Во-вторых, правомерность причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении оперативно-разыскных мероприятий должна рассматриваться либо по аналогии как крайняя необходимость, либо, при наличии соответствующих условий (признаков), как любое из обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных гл. 8 УК РФ. В перспективе требуется дополнение гл. 8 УК РФ новой нормой о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

¹⁸ См. : Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://www3.lrs.lt/pls/inter3/oldsearch.preps2?a=434533&b=> (Дата обращения: 10.12.2016 г.).

¹⁹ См. : Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992. С. 247.

²⁰ Нами было проанализировано 100 приговоров опубликованных на сайтах судов общей юрисдикции за 2010-2016 гг. В оставшихся 7 % случаев подтверждение убийства либо не требовалось (6 %), либо виновный самостоятельно совершил покушение на убийство (1 %).

Список литературы:

1. Билык В.И., Петрашева Н.В. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, оказывающих им содействие // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 141–144.
2. Вагин О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учеб.-практ. пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 119 с.
3. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). – М.: Учебно-консультационный центр «ЮРИнфоР», 1997. – 32 с.
4. Доманов Д.В. Имитация преступного поведения: проблемы и их решение // Преемственность и новации в юридической науке : материалы научной конференции адъюнктов и соискателей. Вып. 6. – Омск, 2010. С. 166-169.
5. Железняков Ю.Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 219 с.
6. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке / Захарцев С. И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. М., 2015. С. 185.
7. Кауфман М. А. Аналогия в уголовном праве России: историко-правовой анализ // Рос. правосудие. 2012. № 12. С. 79–85.
8. Мелешко Д.А. Неудавшееся «соучастие» в убийствах по найму // Законность. 2015. № 11. С. 55–59.
9. Милюков С.Ф., Побегайло Э.Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39–54.
10. Пархоменко С.В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 74–81.
11. Петровский А.В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: Сборник научных трудов. Москва-Ставрополь, 2007. С. 209–216.
12. Плешаков А.М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 240 с.
13. Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. № 10. С. 32–33.
14. Шкабин Г.С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Государство и право. 2017. № 4. С. 56–64.
15. Bronitt S. The Law in Undercover Policing: A Comparative Study of Entrapment and Covert Interviewing in Australia, Canada and Europe // Common Law World Review. January 2004 vol. P. 43.

Статья проверена системой «Антиплагиат», оригинальность текста 93,76 %.